

УДК93/091

Мягкая сила русской философии в Европе в период эмиграции 20–30-х годов. XX века

Ермаков Вадим Андреевич

ermakovva@bmstu.ru

SPIN-код: 2350-7398

МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. В данной публикации представлена проблема влияния русской философской эмиграции на европейский мир и культуру в 20–30-е гг. XX в. в контексте концепции мягкой силы. Автор представил институциональные основания этого влияния, персоналии, оказавшие существенное воздействие на европейскую интеллектуальную среду. Рассматриваются ключевые концептуальные положения русской философской мысли, востребованные в этот период европейской философией, а также причины, обусловившие этот процесс. Сделаны выводы о том, что мягкая сила русской философии проявилась в культурной привлекательности русского мира, ценностных смыслах и концептуальной содержательности, которые находили отклик в кризисной Европе в межвоенный период.

Ключевые слова: влияние, мягкая сила, русская философия, культура, эмиграция, цивилизация

The soft power of Russian philosophy in Europe during the period of emigration in the 20–30s of the XX century.

Ermakov Vadim Andreevich

ermakovva@bmstu.ru

SPIN-code: 2350-7398

BMSTU, Moscow, Russia

Abstract. This publication presents the problem of the influence of Russian philosophical emigration on the European world and culture in the 20–30s of the XX century in the context of the concept of soft power. The author presented the institutional foundations of this influence, the personalities that had a significant impact on the European intellectual environment. The article examines the key conceptual provisions of Russian philosophical thought that were in demand in this period by European philosophy, as well as the reasons that led to this process. Russian philosophy's soft power manifested itself in the cultural attractiveness of the Russian world, value meanings, and conceptual content, which resonated in crisis-stricken Europe during the interwar period.

Keywords: influence, soft power, Russian philosophy, culture, emigration, civilization

Введение. Одним из дискуссионных вопросов современной отечественной науки является изучение процесса, форм и способов коллаборации русской философской традиции и культуры с европейской цивилизацией в эмиграции в первой половине XX в. Автор публикации предлагает рассмотреть подоб-

ную коллаборацию, а также оказываемое ею влияние через призму концепции мягкой силы, предложенной американским политологом Джозефом Наем для обозначения способности актора добиваться результата посредством применения привлекательности своей культуры, ценностей, добровольного соучастия и др. В данном случае предметом рассмотрения станет деятельность русской философской эмиграции в 20–30-е гг. в Европе, а целью — выявление форм позиционирования, способов взаимодействия и влияния русской философской мысли на европейский мир и культуру.

Материалы и методы. В качестве материалов используются: периодические издания и работы русских философов, изданные в Европе и в России. Методами исследования являются: сравнительно-исторический, системный, проблемно-хронологический.

Результаты. Результатами исследования стали следующие положения. Несмотря на политические и идеологические барьеры между Европой и Россией в период революции и Гражданской войны, противоположности в развитии западной и русской цивилизаций, наметившиеся с утверждением советской государственности и экспансией коммунистических ценностей, отечественная интеллектуальная эмиграция выступила в качестве проводника, связывающего расходящиеся миры и интегрирующего их в новую культурную идентичность. Влияние оказывали в первую очередь русские мыслители эмигрантской волны, чей потенциал, а также интеллектуальное и духовное наследие находили отклик в европейской культурной, политической и философской среде. В этом плане ценно мнение В.В. Зеньковского о сущности данного феномена. Понятие «влияния» может быть применимо лишь там, где имеется налицо хоть какая-нибудь доля самостоятельности и оригинальности — без этого невозможно говорить о влиянии [1, с. 13].

Проникновение мягкой силы подобного рода в западный мир породило целый ряд новых явлений синтеза между европейской и русской цивилизациями, а также стало возможным по следующим причинам. Во-первых, общий кризис европейских государств, ставший следствием трагедии Первой мировой войны, серии революций, продемонстрировал несостоятельность идеологии Просвещения и светского гуманизма. Поэтому существовавший запрос на новый духовный источник для выхода из кризиса был отчасти восполнен потоками русской эмиграции, которая, изначально обладая европейским культурным кодом, демонстрировала новый жизненный мир и идентичность. Ее представляли не только военные и правящая элита, но и плеяда русских ученых и философов. Среди интеллигенции, оказавшейся в списках ГПУ на основании декрета ВЦИК 1 августа 1922 г. «Об административной высылке» и вынужденно оказавшихся на эпохальном «Философском пароходе» были Бердяев Н.А., Франк С.Л., Трубецкой С. Е., Ильин И.А., Зворыкин В.В., Кизеветтер А.А. и др. Центрами их ассимиляции стали Париж, Берлин, Прага и др. города, где они не только смогли быстро встроиться в научную и университетскую среду Европы, но и создать дополнительные институциональные структуры для интеграции и позиционирования русской культуры и косвенной

реализации политических интересов. К таким институциональным структурам относятся: Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, созданный в 1925 г. по инициативе митрополита Евлогия, при участии Сергия Булгакова и Георгия Флоровского; Русский научный институт в Берлине 1923-33 гг., поддерживаемый Берлинским университетом, где преподавали Ильин И.А., Франк С.Л., Степун Ф. Как отмечает Хоружий С.С. в работе «Русская философия в изгнании»: В 1923-33 Берлин — бесспорная столица русской философии, и, хотя это была столица всего лишь на эфемерный промежуток времени, однако издательская продукция этого промежутка сегодня составляет полноценный начальный этап философского творчества диаспоры [2, с. 23].

Активно влияли на общественную и политическую жизнь Русское студенческое христианское движение, объединившее студенческие христианские организации в различных европейских городах, а также Русский общевойсковой союз, созданный в 1924 г. бароном Врангелем П.Н. и являвшимся форпостом противодействия большевизму. Просветительская деятельность издательств, прежде всего, основанного в Праге в 1921 г., а затем работавшего с 1925 по 1940 гг. в Париже «УМСА-Press», директором которого был Бердяев, а также ведущего органа русской философии за границей — журнала «Путь» с 1925 по 1940 гг., журналы — Современные записки, Вестник РСД, Новый журнал позволяли многим русским ученым представлять публично результаты научных исследований. Особые условия для влияния русской культурной интеллигенции сложились в Праге, где действовала финансируемая правительством программа для поддержки культуры и образования эмиграции президента Томаша Масарика. В Праге действовало несколько русских научно-учебных заведений: Русский народный университет, затем получивший название Свободный русский университет и возникший в 1923 г., а также Русский университет, работавший с 1922 по 1928 гг. Существенным влиянием пользовался Юридический факультет Русского университета, созданный по инициативе П.И. Новгородцева, а затем возглавляемый его преемником — Е.В. Спекторским. В 1923 г. открылся Русский Высший Педагогический Институт имени Я.А. Коменского, возглавляемый В.И. Зеньковским. Успешно функционировал с 1924 г. Институт изучения России, Русский славяноведческий Институт. Были предприняты действия по институционализации исторического просвещения, когда с 1923 г. образовался Русский Заграничный Исторический Архив (РЗИА), во главе которого стал историк Кизеветтер А.А. Однако, несмотря на такое обилие организаций Хоружий признает, что влияние пражской среды было меньше: В целом пражский очаг был несравненно скудней берлинского и парижского по литературной, художественной, издательской активности, но заведомо выдерживал сравнение с ними в научно-академической и образовательной сфере; что же до философии и богословия, то они пребывали на некоем среднем уровне. В Праге и Чехословакии образовались весьма сильные сообщества российских историков, экономистов, филологов, славяноведов, включавшие немало крупных имен: так, из историков, помимо Кондакова и Кизеветтера, можно назвать

Г.В. Вернадского, А.В. Флоровского, Е.Ф. Шмурло, П.Н. Савицкого, С.Г. Пушкарева [2, с. 31].

Во-вторых, влияние стало возможным в том числе благодаря культурно-интеллектуальной привлекательности русского религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX вв., который открыл новый уровень онтологии ценностей для европейцев и представил религиозные смыслы в качестве альтернативы светскому гуманизму и тотальной секуляризации. Такие мыслители, как Бердяев, Булгаков, Ильин, Шестов и др. предлагали оригинальные решения проблемы свободы и экзистенции, этических ценностей, вопросов о смысле существования человека и бытия в целом. Их работы оказались востребованы в Европе, особенно в Германии и Франции, где началась широкая дискуссия о духовных основах европейской цивилизации, начатая Тойнби и Шпенглером. Непосредственный диалог и обмен идеями с западной философией и ее передовыми течениями только усилился, когда русские эмигранты стали органической частью и центром влияния в европейском интеллектуальном поле. Философия свободного духа Бердяева перекликалась с нарождающимся в Европе экзистенциализмом — Сартра, Ясперса, Хайдеггера, Марселя. Он же оказался идейным вдохновителем примирения России и Европы, а также визионером в вопросах исторической эсхатологии. В его работе «Новое средневековье», ставшей мировым бестселлером есть пассаж: эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало нового средневековья [3, с. 222]. Лев Шестов, в свою очередь, предвосхитил магистральные темы экзистенциализма: веры против разума, трагичности бытия человека, критики рационализма, что оказало влияние на Эммануэля Левинаса и др. мыслителей. Философские миры Достоевского и ценностные смыслы Толстого усилиями русских философов эмигрантов стали органичной частью европейской культуры. Воздействие усиливалось и тем, что транслируемые идеи резонировали с интеллектуальными поисками в Германии и Франции на фоне философского кризиса после Первой мировой войны.

В-третьих, возможности для влияния оказались открыты тем, что для части европейской элиты, уставшей от доминирования секулярного сознания, русская религиозная философия стала альтернативой. Мыслители из России предлагали концепцию нового религиозного сознания, основанного на синтезе веры и разума, традициях православия. Прослеживается влияние и на западное богословие православной догматики, в частности Лосского В.Н. с его концепцией неопатристического синтеза. Нужно упомянуть и о роли Русской православной церкви за границей, возникшей в 1920 г. и ставшей центром притяжения и влияния за границей. Сергей Булгаков и Георгий Флоровский явились влиятельными миссионерами и проводниками ее интересов в Европе, активно участвовали в межхристианских диалогах, предвосхищая экуменическое движение. Их миссия воспринималась как попытка преодолеть исторический разрыв между католическим Западом и православным Востоком в христианстве. Творческое возрождение православного мира есть необходимое условие разрешения экуменического вопроса [4, с. 515].

В-четвертых, влияние проявлялось через сферу образования, когда русские ученые естественным образом включились в европейскую систему образования и начали играть в ней заметную роль. Преподавание русских философов в эмигрантских вузах и университетах Европы формировало новое поколение европейских философов и ученых, которые становились проводниками идей исторической России и носителями русского ценностного кода.

Итак, мягкая сила русской философии проявилась в культурной привлекательности, духовной глубине и философской новизне, которые находили отклик и оказались востребованы в Европе в межвоенный период. Нельзя не согласиться с мнением Симонова Г.Н. и Сергеева Г.Н.: Русская эмиграция внесла огромный вклад в разные области мировой культуры [5, с. 286]. Она действовала через диалог, обмен, убеждение, привлечение, а не через пропаганду и давление, составляя существенную альтернативу советским СМИ и политике.

Обсуждение. Обсуждение полученных результатов исследования демонстрирует, что опыт русской эмиграции показывает эффективность модели культурного влияния, основанной на диалоге, обмене идеями и духовной привлекательности, в противовес пропагандистским методам. Исследование подтверждает, что «мягкая сила» может быть реализована даже в условиях острого политического противостояния между странами.

Заключение. Заключение по итогам работы показывает, что русская философская эмиграция первой половины XX века стала важным проводником «мягкой силы» России в Европе. Особенно значимым представляется тот факт, что это влияние осуществлялось несмотря на политические барьеры и идеологические противоречия между странами.

Список источников

- [1] Зеньковский В.В. *История русской философии*. Харьков, Фолио, Москва, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, 896 с.
- [2] Хоружий В.В. *Философское и богословское творчество российской диаспоры. Русская философия в изгнании. Исследования и публикации*. Москва, Парад, 2012, с. 23–31.
- [3] Бердяев Н.А. *Смысл истории. Новое средневековье*. Москва, Канон+, 2002, 448 с.
- [4] Прот. Георгий Флоровский. *Пути русского богословия*. Париж, YMCA-PRESS, 1937, 602 с.
- [5] Симонов Г.Н., Сергеева Г.Н. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Теология и философия. *ФИЛОLOGOS*, 2007, № 1–2, с. 283–291.